

Каталонская независимость и кризис демократии

Питер Гелдерлоос

11 декабря, 2017

Оглавление

Для этого неплохо взглянуть на историю	3
Итак, чьи апелляции к демократии более легитимны?	7

В обостряющемся кризисе, связанном с референдумом о независимости Каталонии 1 октября, обе стороны легитимируют свои действия, обращаясь к демократическим ценностям и намекая или прямо заявляя, что данная сторона «демократична», тогда как её противники - нет. Между тем, в медиа-тенях, отбрасываемых двумя основными игроками (испанским и каталонским правительствами), антикапиталистические движения смогли контрабандой протащить свои мечты в борьбу за независимость, стремясь создать не просто новую страну, а новый тип страны. В асимметричном перетягивании каната между этими тремя позициями мы можем оценить различные модели демократии и политического действия.

Для этого неплохо взглянуть на историю

В 1978 году была принята нынешняя испанская Конституция. Франко умер, ЕТА взорвали его избранного преемника, а одно из самых больших забастовочных движений в мировой истории полностью дестабилизировало режим. Фашизм выбыл из игры: Испании пришлось стать демократией. Фашисты сменили стиль и стали «Народной партией» (Popular Party, PP), хотя эта трансформация стала возможной только благодаря части левых, признавшей их легитимной политической силой. Эта часть присоединилась к недавно легализованной Социалистической партии, и была вознаграждена доступом к власти, который они сохраняли большую часть следующих четырех десятилетий. Этому способствовало новое институционализированное рабочее движение, которое теперь было организовано в легальные профсоюзы, получающие государственные деньги на зарплаты освобожденным работникам. Оставшиеся фашисты победили, поскольку они продолжали владеть страной, и ни один из них не был арестован за организацию пыток, тюрем и казней для сотен тысяч людей в конце гражданской войны (и для тысяч дополнительно всякий раз, когда рабочий класс поднимал голову, вплоть до последних лет режима и до периода «перехода» к демократии). Нет, испанские Гитлеры и Геббельсы мирно умирали в своих кроватях много лет спустя.

Разумеется, фашистские спецслужбы новое демократическое правительство не тронуло. В результате те левые и анархисты, которые не приняли эту сделку с дьяволом, по-прежнему подвергались слежке, заключению в тюрьмы, пыткам и убийствам: просто теперь их называли «террористами», а не «красными».

Новая Конституция была утверждена на референдуме, проведенном с большим количеством странностей. Прежде всего, население не решало, какую форму управления они получают. Для большинства людей голосование «за» было просто голосом «нет» против фашистского режима. Например, маловероятно, что большинство людей, при наличии выбора проголосовали бы за то, чтобы у них внезапно появился монарх (да, это так, фашисты расстарались и нашли короля, чтобы сделать новоиспеченную демократию более централизованной и устойчивой). Более того, правила голосования были изменены в разгар кампании, в некоторых провинциях голосования имели до 30% нарушений, более миллиона человек дважды появлялись в списках голосов, 300 000 человек с правом голоса так и не появились на участках в Мадриде, а данные переписи совпали лишь в 11 из 50 провинций Испании. Но, если

статистика всё же имеет значение, у 58% избирателей голоса были подсчитаны, и по зафиксированным результатам с большим перевесом победила Конституция.

И хотя становление новой демократии происходило на зыбкой почве, рост влияния Социалистической партии и институционализация профсоюзов позволили многим людям, которые в противном случае могли бы стать революционерами, попасть на государственную зарплату. Наркотики, внезапно наводнившие внутренние провинции, позаботились об остальных. Между тем, политические силы народов, подчиненных испанскому государству - каталонцев, басков, галисийцев, - решили поддержать новую Конституцию, раз уж они добились гарантий региональной автономии. Их языки перестали исключать из общественной сферы, и они смогли частично контролировать образование, свои финансы и инфраструктуру.

Однако неизбежная тенденция к централизации продолжалась, и столичное мадридское правительство ограничило автономию региональных правительств посредством ряда законов, судебных постановлений и привилегий для исполнительной власти. В 2006 году общественным референдумом в Каталонии был принят Статут Автономии, укрепив изначальный дух местного самоуправления. Однако Конституционный трибунал Испании аннулировал 14 статей Статута Автономии и переписал еще 27, издеваясь над каталонскими попытками самоуправления в испанском государстве.

Затем лопнул строительный пузырь. Поскольку производство в течение многих лет сокращало и теряло рабочих, остались лишь унижительные места в туристическом секторе. Когда рынок обрушился, и правительство приняло строгие меры жесткой экономии (в то же время спасая банки с общественными деньгами), экономический механизм, который покупал лояльность большинства людей к демократии, перестал работать. Репрессивный механизм, который удерживал неконтролируемых бунтарей изолированными на краю общества, уже не справлялся с растущим числом недовольных.

Более того, Народная партия, которая снова была у власти, оказалась замешана в десятках коррупционных скандалов, испортивших репутацию большей части руководства, и затронувших даже королевскую семью. И это были не какие-то мелочи, а самые наглые мошенничества, которые только можно вообразить, с претензией на абсолютную безнаказанность. Один лидер Народной партии даже несколько раз «выигрывал» лотерею, приобретая выигрышные билеты в обмен на груды налички, чтобы отмыть украденные деньги. После давления со стороны Европейского Союза начались расследования, но несколько крупных шишек Народной партии погибли незадолго до или сразу после дачи показаний: было объявлено, что это «явные самоубийства» или «инфаркты». Между тем, испанские прокуроры обратили внимание на каталонские партии, выступающие за независимость. Они обнаружили ещё более упорядоченную коррупционную схему внутри *Convergència* (ныне «Демократическая партия Каталонии»), консервативной каталонской партии, которая в течение многих лет собирала с частных компаний 3%-ные откаты в обмен на предоставление выгодных контрактов.

Испания вступила в полноценный кризис легитимности власти. Все больше и больше людей вспоминали фальшивый референдум 1978 года. Во время демонстраций

движения 15М, многие несли флаги Республики — правительства, которое Франко сверг в Гражданской войне.

В 2012 году погрязшая в коррупционных скандалах и ожидающая выборов *Convergència* заявила о поддержке независимости Каталонии. До этого момента каталонское движение за независимость в основном состояла из небольших антикапиталистических организаций и молодежных групп, а также нескольких крупных гражданских общественных организаций, представляющих буржуазный взгляд на независимость. Теперь это стало массовым явлением. Национальный каталонский праздник, демонстрация 11 сентября, оплакивающая завоевание Каталонии Испанией в 1714 году, всегда была одним из крупнейших ежегодных маршей Европы. Но в 2012 году в ней приняли участие полтора миллиона человек (население Каталонии составляет 7,5 миллиона человек). Через месяц *Convergència* поднажала и выиграла выборы.

Совместно с ERC («Республиканские Левые Каталонии»), левоцентристской партией, также заявившей о поддержке независимости, они организовали рекомендательный референдум, а в 2015 году — региональные выборы, которые они объявили плебисцитом по вопросу о независимости. Побед в этом плебисците движения за независимость должна была интерпретироваться как мандат на начало процесса отделения от испанского государства. Лагерь за независимость выиграл оба этих соревнования: и референдум с низкой явкой, и выборы, где явка была, наоборот, высока. Последнее, однако, не обеспечило абсолютное большинство коалиции за независимость, *Junts pel Sí* («Вместе Да!»). Чтобы сформировать правительство, им пришлось работать вместе с CUP, низовой муниципалистской партией, образованной теми же антикапиталистическими организациями, которые ранее возглавляли движение за независимость и выступали за независимость даже более радикально, чем две большие партии — *Convergència* и ERC.

Для справки: выборы дали 62 кресла JxSí, 10 - CUP, 52 — трём партиям, откровенно выступающим против независимости (в том числе тем, что правили Испанией с момента окончания диктатуры) и 11 кресел — левой платформе, связанной с Barcelona en Comú и Podemos, у которых мнение насчёт независимости явно не выражено. Другими словами, 72 за, 52 против, и 11 за некие переговоры или реформы.

Наконец (во многом благодаря CUP, которая делала всё возможное чтобы заставить две остальных партии сдерживать обещания) 1 октября 2017 каталонское региональное правительство провело референдум: весь мир увидел кадры, где испанская полиция избивает стариков, стоящих в очереди на голосование.

В сентябре каталонский парламент принял закон, который гласил, что независимость будет объявлена в течение 48 часов после соответствующего результата. Однако, все законы — это лишь бумага, и этот закон был позабыт. 10 октября каталонский президент Карлос Пучдемон выступил с объявлением результатов референдума. Он объявил независимость, и... сразу же приостановил эту декларацию для проведения переговоров, копируя тактику Словении в 1990 году.

С середины сентября до середины октября каталонское правительство организовывало всеобщие мобилизации и призывало к международному посредничеству, чтобы защитить референдум и провести в жизнь его результаты, тогда как испанское правительство использовало законы и полицию для того, чтобы заблокировать рефе-

рендум, затем чтобы остановить каталонское правительство от отделения. Совсем недавно они арестовали лидеров двух наиболее важных гражданских общественных организаций, каталонских эквивалентов Amnesty International или NAACP.

То, что апелляции к демократии находятся в самом центре происходящей войны идей, не случайность. Доверие к демократии было полностью подорвано во всем испанском государстве. Люди все чаще восставали и всё упорнее боролись против установленного порядка. Если не считать радикалов, они обычно не выступали против демократии как таковой, взвешенно анализируя то, что демократия дала им. Нет, они заявляли (безо всяких исторических оснований), что это всё была не демократия, а демократия это что-то другое.

Сейчас политические лидеры с обеих сторон конфликта обещают народу демократию, и, в отличие от горизонтальных низовых движений последних лет, большинство людей вознаграждает их своим энтузиазмом и вниманием. Демократия снова стала привлекательным видом спорта для зрителей. И один из самых тревожных моментов в этом повороте событий — это то, что национализм оказался главным механизмом, благодаря которому демократия снова оказалась в игре.

Теоретически, в этом нет ничего удивительного. Демократия всегда была националистической и милитаристской формой правления. На самом деле, современная демократия и национальное государство имеют одни и те же исторические корни. Это вполне логично. Если авторитарная политическая власть должна быть легитимирована «народом», элиты будут сражаться (и заставлять нас сражаться за них) за право определять, кто народ, а кто посторонний. Например, мигранты не имели права голоса в референдуме о независимости.

Это не значит, что нынешний конфликт — это соревнование между двумя симметричными сторонами. Испанский национализм и каталонский национализм в современном контексте имеют мало общего. За несколько недель до референдума и в первые дни после него крупнейшие народные демонстрации за «испанское единство» организовывались в первую очередь неонацистами и фашистами (и приходили туда в основном они же). И даже когда более «респектабельные» политические силы переняли инициативу, ультрас в толпе практически безнаказанно атаковали журналистов и людей с неправильным цветом кожи, а толпа скандировала кричалки за Франко или призывала отправить каталонских политиков в газовые камеры.

Как это обычно бывает с движениями за независимость исторически угнетенных наций, нынешняя волна каталонского национализма охватывает практически весь политический спектр и включает активистов за социальную справедливость. Широко известны случаи, когда голосующие за независимость избиратели аплодировали тем, кто пришёл голосовать с испанским флагом на плечах. Их идеал — скорее плюрализм, чем насильственное единство. Тем не менее это движение также исключает людей, а сторонники независимости, заявляющие о своём «миролюбии», иногда избивали или затыкали людей, которых они считали «чужими» по отношению к «народу».

Итак, чьи апелляции к демократии более легитимны?

Юридически испанское правительство на 100% право, когда утверждает, что каталонский референдум является «незаконным». Конституция Испании не позволяет автономным регионам проводить референдумы о независимости. Конституционный трибунал имеет право признать недействительными законы, которые противоречат Конституции. Трибунал сделал именно это с законом о референдуме и всеми соответствующими законами.

Другие заявления Испании более слабы. Они утверждают, что каталонское правительство не уважает волю населения, но опросы за месяцы до голосования постоянно показывали, что большинство жителей Каталонии выступают за проведение референдума. Ну а теперь, испытав избиения испанской полицией за попытку проголосовать, увидев, как в их бабушек и дедушек стреляют резиновыми пулями, как крушат головы и намеренно ломают пальцы, как людей таскают за волосы, а к девушкам пристают ухмыляющиеся менты, подавляющее большинство уже выступает за независимость, хотя до этого мнения делились примерно пополам.

Правительство Мадрида также осуждает нарушения на референдуме, например внесение изменений в избирательную процедуру в последнюю минуту, или указывает на низкую явку избирателей (43%). Это весьма лицемерно сразу по нескольким пунктам. Нарушения на каталонском референдуме были менее значительными, чем те, что имели место на референдуме, одобрявшем Конституцию, которой Мадрид теперь размахивает как источником своей легитимности. Нарушения на референдуме — дешевый аргумент, потому что испанская полиция делала всё, что могла — конфисковывала принтеры, захватывала бюллетени, блокировала сайты, угрожала социологам, арестовывала техников и политиков — чтобы сделать референдум невозможным. Тот факт, что каталонское правительство провело этот референдум с таким небольшим количеством нарушений, является для них большим триумфом и большой проблемой для испанского государства. Голосовать означало подвергать себя риску насилия полиции, около 300 избирательных участков были насильно закрыты, все крупные СМИ постоянно писали о бедствиях, которые произойдут в Каталонии, если референдум закончится провозглашением независимости, а центральное правительство обещало, что любые результаты будут признаны недействительными. То, что в этих условиях 2,2 миллиона человек реально проголосовали, это триумф демократического участия. И это говорю я, человек, который считает, что и референдумы, и демократия в целом являются обманом.

Демократическая модель Народной партии основана на «верховенстве закона» — мифической, по сути, опровергнутой историей идее, что без четких законов, которым следуют все, общество скатится к тирании и каннибализму. Чтобы иметь права, быть в безопасности, чтобы просто жить, мы должны уважать верховенство Закона. Проблема этой точки зрения заключается в том, что закон всегда основан на завоевании. Точнее, закон — это либо завоевание, либо последующая легитимация завоевания. Другими словами, верховенство права — это лишь обличка общества, основанного на тирании и каннибализме. Единственная причина, по которой Испания получила современную Конституцию, состоит в том, что с одной стороны были фашисты, выигравшие кровавую гражданскую войну и завоевавшие страну,

а с другой были социалисты, уверенные что они могут контролировать и умиротворять повстанческое забастовочное движение, делающее страну неуправляемой. Нынешнее верховенство права в Испании является результатом неэтичной сделки за закрытыми дверями между этими двумя силами. Вот источник легитимности Мадрида, когда он отправляет ОМОН избивать стариков. Это действительно совершенно «законно», но любой, кто серьезно относится к закону, живет в очень глупой сказке. Поскольку в Испании есть даже король, единственное, чего не хватает для сказки — это какого-нибудь дракона или тролля, чтобы с ним героически сражаться.

В США (как и в любом другом государстве, основанном поселенцами) связь между законом и завоеванием еще более очевидна. Или кто-нибудь забыл, какие именно люди писали Конституцию США? Более того, отношения между законом и демократией не являются исключительными. Диктатуры, даже фашистские, также опираются на законы.

Каталонское правительство не может претендовать на букву закона, поэтому они обращаются к духу демократии, проявляющемуся в общественном участии и ритуале голосования. Снова и снова они устраивали массовые мобилизации, чтобы подчеркнуть кризис легитимности, и каждый раз, когда они проводили какие-то выборы, они побеждали. Ещё до 1 октября сотни тысяч людей по всей Каталонии организовывались чтобы занять и оборонять избирательные участки, прямым действием гарантируя своё право голоса, и в итоге почти половина избирателей проголосовала.

Но как именно определялось, кто является избирателем? Как я уже говорил, мигранты были исключены из голосования (обычное дело в демократических государствах, равно как и с людьми моложе 18 лет: произвольный, сильно зависящий от культуры порог «полноценности»). Поскольку отделение Каталонии повлияет на всё испанское государство, почему бы всей Испании не принять участие в референдуме? Или наоборот, почему один народ должен решать судьбу другого народа — просто потому, что когда-то завоевал его? И если это так, почему испанцы, живущие в Каталонии, имеют право голоса на референдуме о независимости? Завоеватели всегда устраивают переселение, чтобы завоеванные этнические группы оказались в меньшинстве. Каким образом принцип большинства в голосовании работает, если мы имеем дело с историческими процессами, направленными на разрушение целостности завоеванных народов? Как насчет людей из «каталонских земель» за пределами автономной области Каталонии, таких как Валенсия и Майорка? Если одна из каталонских земель обретет независимость, это напрямую повлияет на возможность сохранения их языка и культуры. Однако, например, у Валенсии нет шансов на референдум о независимости, учитывая, что буржуазия в Валенсии строго испанская.

Если каталонцы подчиняются Испании (и Франции) только потому, что они проиграли несколько войн, то почему испанская законность вообще должна иметь какое-либо значение, и почему референдум вообще должен быть необходим? Если бы все проголосовали, и только 40% поддержали независимость, это лишь отразило бы то, что за последние пару веков испанские институты успешно уничтожили идентичность абсолютного большинства людей в завоёванной стране. Таким образом, не вознаграждает ли референдум те государства, которые оказались более эффек-

тивны в геноциде и принудительной интеграции (например, США и Францию), и не наказывает ли те государства, относительно недавно ведущие эту игру?

Поскольку каталонцы столкнулись с вопросом о самоопределении только потому, что их завоевала Испания, кто имеет право сказать, что их борьба за независимость недействительна, пока они не добьются символической легитимности некоего большинства голосов?

И если Каталония выигрывает свою независимость в результате референдума, что она сделает первым делом? Создаст Конституцию, которая монополизировала бы силу и суверенитет на своей территории, лишая кого-либо права на отделение или проведение референдумов без разрешения сверху. По сути, граждане идут голосовать за самоопределение, чтобы их дети не смогли сделать того же самого — они и сами не смогут уже год спустя. Эта модель, которая апеллирует к духу демократии и к идее неотчуждаемых прав, таких как самоопределение, на самом деле ещё более лицемерна, чем модель «верховенства закона».

Любой, кто попытается немного разобраться, поймёт, что голосование — это чистый театр. Большинство людей не придерживаются непоколебимых, идеалистических убеждений. Результат любого голосования будет зависеть в первую очередь от освещения в новостях событий предыдущей недели, косвенных факторов, которые определяют, от какой группы населения будет больше голосов, и того, как будет сформулирован вопрос голосования. Социологам хорошо известно, что на один и тот же вопрос, заданный двумя разными способами, зазвучит два разных ответа. И ни одна демократия не позволяет людям определять, как и какие вопросы будут заданы. Нет никакого смысла в том, чтобы создавать совершенно новое государство и, следовательно, новый способ взаимодействия народа и правительства, посредством одного легко манипулируемого референдума. Конечно, если только мы не признаем, что цель голосования не в том, чтобы дать людям реальную возможность влиять на ход вещей, а в том, чтобы создать убедительный символ общественного влияния.

В конце концов, в этом и заключается вся суть этого процесса независимости: символизм, созданный для эффектного представления.

Поскольку каталонские правители знали, что с испанским правительством переговоров не получится, они создали политический конфликт, в котором они выглядели хорошими парнями, а Народная партия — плохими. У них нет военной силы, поэтому верховенства права не для них. Вместо этого у них есть огромная сцена для символического спектакля, в котором выигрывается демократическая легитимность, в надежде, что мировые лидеры (с их армиями и экономиками) окажут давление на Мадрид, и он всё-таки пойдёт на переговоры.

JxSí мастерски спланировала референдум. Им удалось подпольно изготовить урны для голосования и напечатать миллионы бюллетеней, несмотря на крупные полицейские операции по их изъятию; они клонировали сайты и удерживали подключение избирательных участков к Интернету, несмотря на кибер-атаки испанского государства. Но была одна маленькая деталь, которую они не организовали. Защита избирательных участков. Защита осуществлялась спонтанно, сотнями тысяч добровольцев, которые занимали избирательные участки за два дня наперед и постоянно проводили какие-то мероприятия, привлекающие ещё больше людей. Поэтому по-

лиция не могла предотвратить голосование, просто заперев несколько сотен зданий. Им пришлось выгонять из каждого участка многотысячную толпу.

Ультралевая группа CUP активно участвовала в возникших «комитетах обороны». Проявляло себя и сильное анархистское движение Каталонии. Анархистов, конечно несколько не привлекала идея голосования, но они не сомневались, что встанут на сторону своих соседей и родственников, против избивающих тех полицейских. Хотя, к сожалению, это всё было на руку элитам, но в каком-то плане это всё же был триумф самоорганизации.

Правящие партии ни словом не обмолвились насчёт того, как все эти люди должны защитить себя от полицейского насилия. Они не предложили никакой стратегии, даже гипотетической. Только императив, что протест должен носить ненасильственный характер, то есть, быть беззащитным. И каталонское правительство не направило свои полицейские силы (Mossos d'Esquadra и Guardia Urbana) для защиты людей. Фактически, каталонская полиция пообещала противодействовать референдуму, и хотя в тот день они хотя бы никого не избили (для разнообразия), они закрыли все избирательные участки, где было менее 25 человек. Тяжёлую работу они оставили испанской полиции.

И испанские полицейские сделали то, что полиция делает всегда, когда люди им не повинуются. Они начали избивать. Каталонские политики знали, что произойдёт именно это, и именно этого они и хотели. Потому что они рассчитывали на фотографии избитых и окровавленных людей, старых и молодых, заполнившие Интернет и придающие легитимность референдуму, который до этого всеми за пределами Каталонии признавался незаконным. Так и случилось.

Навязывание ненасилия сверху вниз здесь было очень важно. Если бы каталонские СМИ и политики не работали сверхурочно, чтобы навязывать ненасилие и маргинализировать всех несогласных, люди бы защищались от полицейского насилия так, как часто делают в Каталонии. За неделю до референдума, в ответ на репрессивные меры люди уже начали вести себя жёстко, повреждать полицейские машины и даже заблокировали испанскую полицию в здании, которое та пыталась захватить. Но политики быстро пресекли массовые мобилизации в течение этих нескольких дней, чтобы не дать толпам выйти из-под контроля и взять дело в свои руки.

Народные бунты в Барселоне и в других местах Каталонии в последние годы несколько раз побеждали полицию, а каталонский ОМОН подготовлен даже лучше, чем испанский. Если бы лидеры движения за независимость не принуждали к ненасилию, то 1 октября люди отправили бы Национальную Полицию и Guardia Civil обратно домой. Если бы людям было разрешено защищаться, Каталония бы уже получила независимость — ну или пришлось бы вводить армию, и тогда Испания бы растеряла весь международный рейтинг, который у неё ещё остался.

Вместо этого люди с большим количеством ресурсов распространили через социальные сети слух, что любой человек в маске — это испанский полицейский, который пытается нарушить ход протестов и скомпрометировать каталонцев. Большинство людей поверило в это, правда, с некоторым оттенком двоемыслия. Странники ненасилия избили пару человек, придерживавшихся давней традиции закрывать лицо на улицах. Понятно, что «мирные» толпы не вполне поверили слухам, потому что они никогда бы не избили предполагаемого полицейского. Вместо этого, слух стал

подстрекательством к коллективной паранойе и приглашением изгонять всех, кто не вписывался в эту новую структуру «народа»: толпа в основном белых представителей среднего класса, счастливо повинующаяся лидерам.

Авторитарное навязывание ненасилия было необходимо, чтобы политики сохранили контроль над движением за независимость. Если бы новая страна родилась в ходе народного восстания, победившие люди почувствовали бы, что у них есть право решать, как будет организована эта новая страна. Люди поверили бы в себя, в свои силы и возможности, и они бы были готовы снова использовать эту силу, как только новое правительство начало бы неизбежную политику в пользу богатых и во вред всем остальным. Было крайне важно, чтобы люди получили новую страну как зрители, а не начали её строить самостоятельно, в ходе процессов самоорганизации и самообороны.

Когда общественные движения призвали к всеобщей забастовке через два дня после референдума в знак протеста против полицейских репрессий, политические партии перехватили эту инициативу. Они нарушали консенсус ассамблей всякий раз, когда это было им удобно, в то же время настаивая, чтобы другие группы «придерживались оговоренных компромиссов». Было достаточно легко добиться консенсуса по минуте молчания перед полицейскими казармами Guardia Civil. И систематически по всей Каталонии партийные функционеры успешно манипулировали толпой и продвигали «молчаливые» протесты, без ярости, без кричалок, без самостоятельного выражения идей и с нулевой вероятностью конфронтации. После минуты молчания всех, кто пытался опять скандировать лозунги, насильно затыкали и выгоняли с демонстрации. В этом климате невозможно было выражать никакие мнения, и массы превратились в простые символы, идущие в русле правительственной программы.

Традиция забастовки как инструмента рабочего класса также исказилась. Партии сделали все возможное, чтобы предотвратить любое насильственное закрытие рабочих мест (обычное дело во время забастовки). С другой стороны, богатые слои каталонского общества добровольно закрыли свои собственные предприятия на один день, продемонстрировав таким образом националистическую межклассовую солидарность.

Каталонские элиты превратили каталонскую полицию в героя попросту из-за того, что те раз в году **не** избили людей. В вечном настоящем Спектакля многие забыли о пытках, убийствах и массовых избиениях прошлых лет. В случае, если получится добиться независимости, каталонское правительство, его полиция и другие его институты преодолеют кризис легитимности, смоют пятна коррупции, мер жесткой экономии и жестокости. Они усилят свои позиции через участие в массовом движении, и, следовательно, будут ещё эффективнее исключать, маргинализировать и подавлять диссидентов.

Эта кампания обеления репутации была настолько необходима каталонским элитам именно потому, что движение за независимость до 2012 года было прежде всего прерогативой антикапиталистических движений. Те считали, что в новой стране у них появится возможность создать новый тип страны, за пределами НАТО и ЕС, с социальным жильем и доступной медициной, а также гуманными решениями многих других проблем, которые отравляют капиталистическую Каталонию.

В течение первых нескольких лет «Процесса» основные политические партии просто заглушали радикальных левых. Обладая превосходящими ресурсами, они контрабандой протащили новое значение слова «независимость». Это были партии мер жёсткой экономии, представляющие средний и высший классы. Их риторика была сосредоточена на идее, что независимая Каталония станет своего рода Средиземноморской Швецией, будет богаче, когда освободится от финансовых обязательств по отношению к испанскому государству. Те же самые бедные сельские районы Испании (основной источник иммиграции в Каталонию), которые всегда были удобным козлом отпущения для каталонской буржуазии, теперь изображались обузой, тормозящей развитие Каталонии. Однако после выборов в 2015 году эти партии больше не имели абсолютного большинства, тогда как CUP стала одной из основных политических сил. Несмотря на то, что у них по-прежнему меньше голосов, чем у большинства других партий, CUP оказалась крайне влиятельной: они необходимы, чтобы хоть какая-нибудь правительственная коалиция была жизнеспособной.

Теперь, когда движение за независимость вновь получило антикапиталистическое содержание, основные партии знали, что им придется удвоить свои усилия, чтобы прекратить любые разговоры о разрыве с неолиберализмом или ЕС. Кроме того, им нужно было предотвратить любые народные восстания, которые могли отобрать у них контроль над процессом. С другой стороны, активистская база вернулась к жизни. CUP выступала за бесплатное здравоохранение, качественное образование и право на жилье, эта партия принимала решения на общих собраниях. Как только стало ясно, что без CUP (а значит, и без антикапиталистических левых) независимости не будет, многие стали считать, что независимая Каталония может быть существенно лучше, чем Испания. Последние два года дали хорошую возможность оценить эту стратегию социальных изменений.

CUP уже был у власти в нескольких небольших муниципалитетах, и даже в этом масштабе продемонстрировал, что их верность антикапиталистическим принципам носит временный характер. Со вступлением в каталонский парламент ничего не изменилось. Они замечательно дрались за символическую победу, выгнав предыдущего лидера *Convergència* за его коррупционные скандалы, но затем сдались и одобрили неолиберальный бюджет двух главных партий.

А у этих партий не было никаких проблем с постоянным нарушением соглашений с CUP. В конце концов, единственное оружие в распоряжении CUP — это не голосовать и таким образом лишить правящие партии большинства. Но единственный раз, когда они сделали это не чтобы выиграть время на дополнительные переговоры, а действительно бескомпромиссно, все СМИ тут же дружно принялись обвинять их в «безответственном радикализме». Структуры прямой демократии CUP быстро сломались под давлением, и они нарушили мандат своей же генеральной ассамблеи, чтобы найти подходящее решение.

Сейчас, когда я завершаю эту статью, испанское правительство готовится применить статью 155 Конституции, которая позволяет им приостановить автономию каталонского правительства. Это только углубило бы кризис в Каталонии. В настоящее время эта жесткая политика вдохнула новые силы в Народную партию (все их коррупционные скандалы забыты) и вывела ультраправых на улицы в таком количестве, в котором их не видели десятки лет. Если PP сумеет удержать власть, отобрав

голоса у левоцентристской Социалистической партии, это приведёт к сокращению каталонской автономии и углублению кризиса демократии. Если же эта жёсткость, наоборот, накажет их досрочными выборами и сдвигом влево (скорее всего, это будет коалиция Podemos и социалистов, построенная вокруг конституционной реформы, дающей больше региональной автономии и видимость «многонационального государства»), тогда кризис демократии будет в значительной степени смягчен, но с мечтой о полной независимости можно будет попрощаться. В любом случае, Процесс уже привел к крайней социальной поляризации, и не между верхами и низами, а наоборот, по тому сценарию, которого больше всего боятся антикапиталисты: между национальностями и политическими идентичностями, объединяющими богатых и бедных в антагонистические лагеря.

Напрашивается вопрос: о чём думали антикапиталисты из CUP? Принимая навязшую в зубах старую стратегию «изменений через институты», всерьёз считая политику инструментом улучшений, они сделали себя зависимыми от одной из двух сил. Спровоцировав политический кризис односторонним объявлением независимости, они смогут преодолеть испанские репрессии, либо опираясь на международное сообщество (а именно, на посредничество других держав в Европейском Союзе), либо опираясь на народное восстание.

Первый вариант (спасение Европейским Союзом) явно означал бы прощание со всеми антикапиталистическими элементами их программы. Активистские организации, входящие в CUP, уже давно проводят кампанию за выход из ЕС: все согласны, что это не принесло ничего хорошего трудящимся Испании. Но чем ближе они к власти, тем больше они придерживают язык по этому поводу. Другими словами, победа в этом сценарии будет выглядеть как поражение: обычная политика и обычный неолиберализм, только на этот раз — от муниципалистской партии прямой демократии.

Историческая модель этого сценария (Словении 1990-1991 годов) очевидно имеет множество подводных камней. Европейские державы были заинтересованы в разделе Югославии и признании Словении, потому что хотели получить доступ к новым рынкам. Более того, анархисты из бывшей Югославии склоняются к тому, что вся гражданская война была организована, чтобы разрушить обширную социальную инфраструктуру страны — «экономия посредством войны» — и позволить России и ЕС поглотить разрозненные останки. Но Каталония и так уже полностью внутри общего европейского рынка. Какое европейским банкирам дело до каталонской независимости? Они что, страдают необъяснимой страстью к языкам меньшинств?

Второй вариант (завоевание независимости через народное восстание) мог бы быть немного более реалистичным, если бы не согласие CUP с политикой насаждения ненасилия. Как я показал на десятках примеров в «Провале ненасилия», ни одно народное восстание после окончания Холодной войны не смогло свергнуть правительство без насилия, если только оно не было поддержано элитой. Таким образом, им понадобилась бы поддержка лидеров ЕС, что возвращает нас к первому варианту, или поддержка испанских лидеров, но этого не будет. Ненасильственные движения добивались новых выборов только тогда, когда они пользовались поддержкой прессы и были активны по всей стране или, по крайней мере, в столице. Принятие новой Конституции или достижение независимости отколовшегося региона — зада-

чи, значительно превосходящие возможности ненасилия. Большинство примеров, о которых мы читаем в учебниках (например, движение, свергшее правительство ГДР), были, по сути, насильственными восстаниями, включавшими и ненасильственные элементы.

Став политической партией и войдя в правительство, каталонские леваки охотно надели смирительную рубашку ненасилия. Только движение, которое сохранило свою автономию, может использовать полное разнообразие тактик. Например, в мае 2014 года сквоттеры устроили недельный мятеж, победили каталонскую полицию, заставили мэрию (в то время управляемую *Convergència*) признать поражение и проиграть последующие выборы и остановили выселение известного социального центра. Другой пример — волна всеобщих забастовок, организованная в основном дворовыми ассамблеями и анархо-синдикалистскими профсоюзами, которые снова победили полицию и на время остановили жизнь в крупных городах, наказав крупные предприятия, эксплуатирующие рабочих. Или децентрализованная сеть РАН, которая предотвратила тысячи выселений и открыла целые кварталы для социального жилья (они обычно вели себя мирно, но были всегда готовы к конфронтации, если полиция начинала наглеть).

Но политическая партия практически всегда опирается на свой имидж. Это делает её полностью зависимой от СМИ, и левые политические партии тут особенно уязвимы. В то время как правые партии регулярно получают благосклонные отзывы, СМИ обычно не так добры по отношению к левым: за исключением случаев, когда те «проявляют себя как ответственные переговорщики», то есть, продаются с потрохами. Единственное насилие, которое политическая партия может использовать — это насилие государства.

Радикальные левые создали CUP, следуя стратегии «народного единства». Но, не считая других своих провалов, единства они тоже не достигли. Скрытая борьба за власть не раз угрожала расколоть CUP, а активистская база все больше разочаровывается. И CUP не представляет всех левых в Каталонии. Даже если говорить только о партиях, есть ещё *Catalunya Sí Que es Pot* (в основном, это некая помесь *Barcelona En Comú* и *Podemos*). Активистская база в значительной степени сформирована движением РАН, а оно во многом иммигрантское, и поэтому не то чтобы сильно поддерживает идею каталонской независимости (хотя, по моему опыту, скорее ей симпатизирует). Эти настроения позволяют CSQP стоять над схваткой, но не объясняют их неоднозначное поведение в ходе Процесса. По правде говоря, настоящая причина разобщенности, а теперь и вражды, между CUP и CSQP — это политика.

С одной стороны, *Barcelona En Comú* управляет крупнейшим городом Каталонии только в коалиции с Социалистической партией. В прошлом социалисты заигрывали с возможностью конституционной реформы, но как только наступил кризис, они тут же совершенно определённо перешли в лагерь «верховенства права», одобряя все агрессивные меры Народной партии и лишь робко призывая к умиротворению. С другой стороны, на уровне всей Испании *Podemos* понимает, что каталонский кризис даёт уникальный шанс отодвинуть Народную партию и передать власть левым. Неудавшаяся каталонская независимость — это билет *Podemos* к власти. Но если каталонцы добьются независимости, пока Народная партия ещё у власти, то остатки Испании почти наверняка отвернутся вправо, а *Podemos* упустит свой шанс.

С другой стороны, активистская политическая партия, построенная на останках движения 15М, просто не может выступать против народного референдума, этого олицетворения прямой демократии.

Итак, Podemos действовали как настоящие политики: от Пабло Иглесиаса до Ады Колау, все выступали и делали противоречивые заявления, стараясь угодить всем. Как по мне, так из всех политиков они были самыми отвратительными, хуже чем даже оруэлловский Мариано Рахой. Тот, хоть и безусловно авторитарный, придерживался своих принципов, даже когда это выставляло его в плохом свете. Фракция Podemos поддерживала право голосовать и право на самоопределение, но они до последнего называли голосование 1 октября «протестом», вместо признания того, что, согласно каталонскому законодательству, это был обязывающий референдум. Ада Колау последовательно темнила, создавая неопределенность до последней минуты относительно того, может ли Барселона голосовать. И после референдума Podemos не согласилась с тем, что референдум даёт право на независимость, они скорее говорили, что нужны дальнейшие переговоры. И именно они предложили конституционную реформу для большей региональной автономии, чтобы удовлетворить большинство.

Если бы CSQP показали приверженность прямой демократии и мобилизовали своих избирателей для участия в референдуме, явка могла быть слишком высокой, чтобы её игнорировать. Естественно, CUP теперь очень не нравятся Podemos и En Comú.

И хотя многие из них действительно искренние антикапиталисты, мне трудно им сочувствовать. Чего они ожидали? Попытки изменить систему через институты были и раньше (много раз), и все они заканчивались одинаково. В этом нет ничего прагматичного или реалистичного. Я думаю, что популярность этих попыток — это просто результат нетерпения одних, невежества и отсутствия воображения у других, и жажды власти третьих, которые ведут первых двух к иллюзорной цели.

Напротив, горизонтальные, децентрализованные, самоорганизующиеся движения за революционные перемены никогда не проигрывали, достигнув успеха. Они никогда не страдали от разрыва с реальностью. Такие движения действительно редко стояли на пороге победы: поскольку они стремятся к более радикальной свободе и благополучию, они сталкиваются с несравненно более сложной борьбой против бескомпромиссных репрессий государства и молчаливым согласием реформистов. Но если уж они побеждали, то потом их выбивали с позиций только властолюбивые леваки.

Кроме гламурного блеска Спектакля, в Каталонии есть и другая независимость. Это продовольственный суверенитет, бесплатный доступ к жилью и альтернативной медицине, защита всех языков и культур от коммерческой эксплуатации и государственной уравниловки, свобода передвижения и солидарность несмотря на границы. Эта независимость строится в большой сети засквотированных социальных центров, антикапиталистических больницах и типографиях, бесплатных школах, освобожденных жилых домах, экологических фермах и садах. Эта независимость не победит в ближайшие пять лет, но и не исчезнет после выборов. На самом деле, она строилась десятилетиями и будет строиться еще много десятилетий спустя. И она движется к чему-то настоящему.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Питер Гелдерлоос
Каталонская независимость и кризис демократии
11 декабря, 2017

Скопировано 2018-04-13 с <https://avtonom.org/news/piter-gelderloos-katalonskaya-nezavisimost-i-krizis-demokratii>
Питер Гелдерлоос, 20 октября 2017; *Перевод avtonom.org*

ru.theanarchistlibrary.org